

Когда они поднялись к обители, перед ними предстала толпа бритых наголо монахов. На площади перед храмом уже вовсю высилась поленница — покойного послушника Цзя Ланя собирались предать огню.

— Впервые слышу, чтобы простого послушника кремировали. Настоятель, это ведь противоречит правилам? — Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь выступили вперёд, преграждая путь к костру.

Наконец-то они увидели того самого настоятеля: благообразный старец с добрыми глазами излучал исключительное смирение и покой. Тот мягко, с кроткой улыбкой возразил:

— Мне искренне жаль Цзя Ланя, его безвременная кончина — большая потеря. Лишь поэтому я решил оказать ему такую честь.

Лань Цзыцзюнь презрительно фыркнул:

— Хм. Скорее уж вы хотите поскорее избавиться от улик.

Настоятель скосил взгляд на стоявшего рядом толстого монаха. Тот послушно шагнул вперёд и рявкнул:

— Замолчи! Как смеешь ты клеветать на настоятеля!

— Ой ли? Когда это брат Цзыцзюнь клеветал на вашего настоятеля? — встрял Хуа Тянь. Спрятанные за пазухой амулеты придавали ему небывалой храбрости, и он так и сыпал колкостями. — Он лишь сказал про уничтожение улик. Или на воре и шапка горит?

— Ах ты!.. — толстяк побагровел от злости, глаза его округлились, а усы затряслись от гнева, но возразить было нечего.

— Почтенные благодетели, сегодня седьмой день со дня кончины Цзя Ланя. Вы явились сюда сеять смуту. Неужели вы думаете, что в нашей обители некому заступиться за усопшего? — тон настоятеля внезапно переменился, голос окреп, разносясь по двору так, чтобы каждое слово слышали другие послушники.

Те хоть и понятия не имели, кто такие Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь, но от этих слов мигом разъярились. Посчитав себя оскорблёнными, монахи дружно засучили рукава, готовые кинуться в драку.

Толстый монах, почуяв поддержку, взмахнул широкими рукавами и взревел:

— Никому не дозволено порочить святую обитель! Берите оружие, вышвырнем паршивцев вон!

Настоятель-то был фальшивым, под стать ему подобралась и паства. Далекие от истинного учения Будды, эти так называемые святые отцы вели себя до крайности нагло. В мгновение ока они выхватили откуда-то сверкающие палаши и с дикими криками бросились на гостей — вылитое логово разбойников, а не храм.

Хуа Тянь с самого начала едва не сдал позиции. Понадеявшись на силу амулетов, он пришёл с пустыми руками, даже захудалого оружия для самообороны не прихватив. Получив пару скользящих ударов, он истошно завопил от боли, лихорадочно выудил из-за пазухи жёлтую бумажку и взмахнул ею. Вокруг него тут же вспыхнул сияющий барьер. Словно монолитная крепость, он стойко выдерживал бешеные удары монашеских клинков.

— Ха-ха, не достать вам меня! — глумился Хуа Тянь, расхаживая внутри светящейся полусферы. Он корчил гримасы, дразнил нападающих, высовывая язык, и улавливал моменты, чтобы легонько пощелкать монахов по гладким лысым.

Это привело их в окончательное бешенство: клинки посыпались на барьер с утроенной яростью.

Лань Цзыцзюнь же с невозмутимым видом шагал напрямик к настоятелю. Никто не мог приблизиться к нему ближе чем на несколько шагов — нападающих попросту отбрасывало невидимой волной духовной силы.

Видя, как неумолимо сокращается расстояние между ними, старик запаниковал и бросился наутек в глубь храмовых построек. Лань Цзыцзюнь следовал за ним по пятам, не торопясь хватать беглеца — он намеренно изводил его, играя как кошка с мышкой. И эта забава удавалась ему лишь потому, что Хуа Тянь своими криками и ужимками отвлекал на себя добрую половину храмового войска.

Вдруг раздался сухой треск. Без всякого предупреждения защитный купол рассыпался искрами. Хуа Тянь, который в этот момент как раз увлеченно кривлялся, едва не столкнулся носом к носу с разъярённым лысым монахом.

Они с секунду ошалело смотрели друг на друга, прежде чем Хуа Тянь сообразил:

— Какого чёрта?! Почему он лопнул?

Опомнившись, парень припустил прочь быстрее зайца. Только сейчас до него дошло, почему Лань Цзыцзюнь выдал ему сразу пачку этих бумажек. Ну неужели нельзя было нарисовать один вечный амулет, чтобы дать ему пофорсить подольше?

На бегу он сунул руку за пазуху и пересчитал оставшиеся талисманы. Всего три штуки. Придётся экономить.

Но чтобы активировать их на полную мощь, нужен был сам создатель. Активировав ещё один защитный барьер, Хуа Тянь принялся затравленно озираться в поисках Лань Цзыцзюня.

— Говори, где Камень вскармливания эссенции? — Лань Цзыцзюнь неспешно настиг беглеца.

Настоятель, задыхаясь от изнурительного бега, из последних сил привалился к дверному косяку, пытаясь перевести дух. Не обращая внимания на нехватку воздуха, старик с ужасом уставился на преследователя:

— Да кто... кто вы такие?!

На ладони Лань Цзыцзюня вспыхнуло бледно-синее призрачное пламя. Небрежным жестом он швырнул его в сторону. Огонь пролетел в паре дюймов от лица настоятеля и угодил в цветочную клумбу. пышные, живые бутоны в мгновение ока обратились в серый пепел.

— Те, кто отправит тебя на тот свет, — холодно усмехнулся Лань Цзыцзюнь. В этот миг он до жути походил на свирепого демона из глубин Дифу. Шагнув ближе, он понизил голос до вкрадчивого шёпота: — Но если ты отдашь Камень вскармливания эссенции... я пощажу твою жалкую жизнь.

К чёрту расследование — Лань Цзыцзюня с самого начала интересовал только артефакт.

Силы окончательно покинули фальшивого настоятеля. Он сполз по косяку на землю, покрываясь ледяным потом, но всё же упрямо процедил сквозь зубы:

— Не знаю я ни про какой камень. Делай со мной что хочешь.

Лань Цзыцзюнь занёс ладонь для смертельного удара, но тут на задний двор с дикими воплями ворвался Хуа Тянь, а за ним — целая свора разъярённых преследователей:

— Брат Цзыцзюнь! Спаси-и-ите!

Раздражённый этой помехой, Лань Цзыцзюнь резко взмахнул рукой. Порыв ураганного ветра сбил с ног и нападавших монахов, и самого Хуа Тяня.

Хуа Тянь ловко вскочил на ноги, отряхнулся и поспешил юркнуть за спину своего спутника. Сердце, колотившееся где-то в горле, наконец-то вернулось на место.

— Я думал, ты продержишься дольше. Переоценил я тебя, — разочарованно протянул Лань Цзыцзюнь.

Хуа Тянь аж задохнулся от возмущения. Ах вот оно что! Этот тип просто использовал его как приманку!

— Да есть у тебя хоть капля совести?! Вообще-то я твой начальник! Мог бы хоть предупредить о своих планах! — наконец-то набравшись смелости, возмутился Хуа Тянь.

— Будто если бы я предупредил, от тебя было бы больше толку, — отрезал Лань Цзыцзюнь и сухо развернулся к дверям храма.

— Эй! Да как ты... да я... — Хуа Тянь зашагал следом, от возмущения растеряв все слова. Спорить было бессмысленно — крыть всё равно нечем, в его словах была горькая правда.

Поднявшиеся на ноги монахи окружили их плотным кольцом, однако подходить близко никто больше не решался.

Лань Цзыцзюнь тем временем вошёл в главный зал. Он медленно обошёл высившийся в центре постамент и постучал по глиняной обшивке огромной статуи Будды. Пока толпа недоуменно перешептывалась, он резко опустил руку. Сверкнула яркая вспышка духовного света. По золочённому телу божества поползли глубокие трещины, и с оглушительным грохотом изваяние разлетелось на куски, явив миру скрытую внутри тайну.

Перед ними предстал мужчина, опутанный шевелящимися побегами Зеленого плюща. Плети вились сами по себе, не имея корней в земле — если приглядеться, можно было заметить, что они прорастали прямо из его макушки. Густая копна тёмных волос этого существа плавно переходила в живую лозу. Мужчина стоял с закрытыми глазами, будто полностью отрешившись от мирской суеты.

У поражённых монахов оружие повалилось из рук. Божество, которому они столько лет поклонялись и возносили молитвы, оказалось скверным демоном!

Поняв, что скрывать больше нечего, настоятель злобно расхохотался. Выступив вперёд, он крикнул:

— Что ж, ваша взяла! Разнюхали-таки! Хотели забрать мою жизнь? Ну попробуйте, покажите, на что способны! Зеленый плющ!

При звуках своего имени мужчина внутри разрушенного постамента распахнул глаза — они пылали багровым огнём. Первым, на ком остановился его взор, был Лань Цзыцзюнь.

— Зеленый плющ, убей их! Быстро! — скомандовал лже-настоятель.

Однако демон проигнорировал приказ. Зелёные плети послушно втянулись, возвращая его облику вполне человеческий вид. Горделивый изгиб бровей, влажный, манящий взгляд,

лукавая усмешка — всё его существо источало порочное очарование.

— Надо же, кого я вижу, — не скрывая глубокого любопытства, протянул Зеленый плющ и двинулся напрямик к Лань Цзыцзюню.

Лань Цзыцзюнь остался холоден как лед.

— Теперь я — Судья ада Подземного царства, Лань Цзыцзюнь, — ровным тоном напомнил он.

— Ха-ха-ха! — Зеленый плющ весело рассмеялся, пробуя имя на вкус: — Лань Цзыцзюнь, Лань Цзыцзюнь... Когда ты бесследно исчез, все ломали головы, куда же ты подался. Надо же было додуматься — уйти на службу в Дифу!

Хуа Тянь слушал их перепалку с нарастающим недоумением. Он ещё раз оглядел демона с ног до головы. Тот совсем не выглядел опасным чудовищем. А он-то думал, что встретит какого-нибудь многоглазого монстра с двумя пастями. Правду говорят: уличные сказители — брехуны те еще. Расписывают ужасы преисподней, малюют свирепых бесов да кошмарного Янь-вана с клыками наружу... Кому как не ему знать цену этим бредням!

Прочистив горло, Хуа Тянь напустил на себя важный вид грозного начальства:

— Брат Цзыцзюнь, так вы, оказывается, старые знакомые? Тогда кончайте эти пустые разговоры. Давайте повяжем этого лже-настоятеля и вернемся с докладом, пора закрывать дело.

Стоило Хуа Тяню подать голос, как Зеленый плющ перевёл на него взгляд — и застыл как вкопанный. Глаза юноши лучились мягким светом, похожим на тепло зимнего солнца, а мимолетная улыбка кружила голову, словно дуновение весеннего ветра. Хуа Тянь не ослеплял мимолетной красотой, но стоило присмотреться к нему повнимательнее, как оторвать взгляд становилось решительно невозможно. Демон усталился на него с жадностью голодного нищего, нашедшего бесценный самоцвет.

Заметив этот откровенно масляный взор, Хуа Тянь испуганно придвинулся к напарнику и зашептал ему на ухо:

— Слушай, я, конечно, парень видный, но у этого типа явно какие-то нездоровые наклонности. Он на меня так пялится, будто сожрать хочет.

К счастью, Зеленый плющ был слишком увлечён созерцанием его лица и не расслышал колкости.

Лань Цзыцзюнь не спешил заниматься делом — в голове у него крутилась куда более важная мысль. Он прямо спросил демона:

— Камень вскармливания эссенции у тебя?

Зеленый плющ нехотя отвёл глаза от Хуа Тяня и приложил ладонь к своему животу:

— У меня. Но тебе-то он зачем? Твоей природе этот артефакт ни к чему.

— Меньше слов. Отдавай его, — Лань Цзыцзюнь едва сдерживал нетерпение, в его глазах вспыхнул опасный огонёк.

Зеленый плющ нахмурился, его голос зазвучал резче:

— Ты уже получил благословение Небес и обрёл истинный путь. Оставь хоть нам, сирым, шанс вознестись в сонм бессмертных!

— Вознестись? Ха! — Лань Цзыцзюнь зло рассмеялся. — Безродная тварь вроде тебя смеет грезить о Небесах? Мечтаешь встать в один ряд со мной? Какая дерзость.

Хуа Тянь занервничал. Только что ведь мирно разговаривали — с чего вдруг Лань Цзыцзюнь так завёлся и полез на рожон? Его ядовитый язык, способный довести до белого каления даже святого, опять крушил всё на своём пути.

— Эй-эй, полегче! У каждого свои мечты, тебе-то какое дело? — попытался вмешаться Хуа Тянь, дёргая напарника за рукав. — Давай сначала разберёмся с преступлением!

Но его слова улетели в пустоту. Зеленый плющ пришёл в бешенство. Плети плюща на его голове встали дыбом, извиваясь и с сухим треском хлеща по каменным плитам пола. Он походил на хищника, изготовившегося к смертельному прыжку.

Лань Цзыцзюнь окинул соперника презрительным взглядом, всем видом показывая, что ни в грош его не ставит. Это окончательно ослепило демона яростью — одна из лоз со свистом устремилась к лицу судьи.

— Брат Цзыцзюнь, сам кашу заварил — сам и расхлёбывай. Я умываю руки! — Хуа Тянь поспешил отскочить подальше, укрывшись за обломками разрушенного алтаря.

Лань Цзыцзюню это было только на руку — по крайней мере, недотёпа не будет путаться под ногами.

Легко уклонившись от выпада, Лань Цзыцзюнь выхватил чистый бумажный талисман и принялся торопливо чертить на нём заклятие.

На мгновение плети замерли. Зеленый плющ с прищуром спросил:

— Почему ты не используешь свое истинное оружие?

— Слишком много чести для такого, как ты, — даже не подняв головы, обронил Лань Цзыцзюнь, продолжая быстро выводить иероглифы на бумаге.

Эти слова окончательно сорвали лавину гнева. Плети плюща обрушились на Лань Цзыцзюня сплошной стеной, грозя разорвать в клочья. Судья стремительно уворачивался, но тяжелые удары то и дело проходили в волоске от его тела. Удары лоз дробили прочные каменные плиты пола, превращая их в крошево.

Наблюдая за этим из своего укрытия, Хуа Тянь места себе не находил от тревоги. Сколько можно возиться с этим амулетом?! Если так пойдёт и дальше, Лань Цзыцзюня просто расплющит!

— Эй, лопух переросший! — во весь голос крикнул Хуа Тянь.

Этот манёвр сработал. Ослеплённый яростью Зеленый плющ резко повернул голову. Жажда убийства затмила в его разуме восхищение чужой красотой. От общего пучка отделился толстый стебель и со свистом метнулся к Хуа Тяню.

В отличие от гибкого напарника, Хуа Тянь не обладал боевыми навыками. Он попытался отпрыгнуть, но тяжёлая лоза задела его по предплечью. Сначала руку обдало тупой онемелостью, а затем по коже расползлась тонкая багровая полоса, из которой обильно хлынула кровь.

Обычно Хуа Тянь поднимал невообразимый вой из-за малейшей царапины, но сейчас он лишь крепче сжал зубы. Оставив жалобы, он приготовился к новому удару — сейчас нужно было во что бы то ни стало выиграть для Лань Цзыцзюня еще немного времени.

Зеленый плющ разгадал его план и не собирался медлить. Несколько массивных плетей переплелись между собой, превращаясь в один чудовищный ствол толщиной с вековой дуб. Эта махина взмыла под самые своды храма, заслонив собой тусклый дневной свет, и замерла, готовая обрушиться вниз. От такого удара от Хуа Тяня не осталось бы даже мокрого места.

«Конец мне...» — обречённо подумал он.

Ноги словно налились свинцом, лишая его последней надежды на спасение.